

Научная полемика в языкознании принимает разные формы – вспомним, к примеру, дискуссии по вопросам стилистики (1954–1955 гг.), о падеже как грамматической категории и о падежной семантике (1953–1958 гг.), о словосочетании (середина 70-х гг.); различного рода критические рецензии и ответы на них (напр., [Palmer 1990] – [Wierzbicka 1991]) и др.

Более спокойную (и потому объективную) форму жанр полемики приобретает в квалификационных работах (здесь, к сожалению, все реже встречается дискуссионная ретроспектива вопроса); в специализированных сборниках, обзорах и – гораздо реже, ввиду различных объективных и субъективных сложностей этого жанра – в специализированных монографиях, к числу которых принадлежит и рецензируемая книга, состоящая из пяти разделов.

В разделе "Теоретические проблемы семантики" (с. 5–91) рассмотрены краткая история семасиологии, вопросы о соотношении значения и понятия, значения и значимости, значения и смысла, значения и употребления слова.

Основные проблемы так называемого "филологического концептуализма" (термин В.П. Нерознака) представлены в небольшом по объему параграфе "Значение и концепт" (с. 59–67). Совершенно справедливо отметив некоторую аморфность понятия "концепт", автор охарактеризовал два основных понимания этой "загадочной величины" (С.А. Аскольдов). 1. Познавательный концепт – "мыслительное образование, замещающее в сознании неопределенное множество однородных предметов (...) Концепт (...) выступает заместителем реальных предметов, действий, признаков или свойств объектов познания" (с. 60). 2. Художественный концепт получает следующее определение: "мыслительное образование, которое не имеет жестко детерминированной связи с реальной действительностью и не подчинено законам логики"; далее подчеркивается "художественная ценность концептов данного типа", благодаря которой они "значительно информативнее познавательных" (с. 61). На более значительной информативности ("ассоциативной запредельности") художественного концепта настаивает и Д.С. Лихачев (его позиции по данному вопросу посвящена с. 63).

Думается, что единственным признаком, по которому концепт (по крайней мере, во

втором из указанных выше пониманий) может быть противопоставлен всем смежным категориям, в частности, понятию, является признак "ценность". В этом случае концепт может быть определен как понятие, представляющее ценность для носителя языка, актуальное для него и потому выражаемое значительным количеством синонимов (напр.: *луна – ночное светило, небесная лампада, царица ночи, Диана, Селена, Геката, Цинтия, Люцина* и проч.), обладающих богатой лексической сочетаемостью (см. напр., словарь эпитетов [Горбачевич, Хабло 1979], в котором несколько страниц посвящено только адекватной сочетаемости слов *луна* и *месяц*); понятие, являющееся темой значительного количества примет, пословиц, поговорок, фольклорных сюжетов, литературных текстов, произведений изобразительного искусства, скульптуры, музыки; понятие, глубоко укоренившееся в языке и культуре народа и потому являющееся диахронической константой и языка (ср. русск. *месяц* и скр. *másas*, лат. *mēsis* из и.-е. **mēns*; русск. *луна* и лат. *lūna* в том же значении), и культуры. Примеры концептов: "Судьба" (как высшая сила), "Бог", "Смерть", "Луна". Видимо, определение "художественный", предложенное С.А. Аскольдовым для концепта₂, следует признать слишком сужающим объем данного понятия, поскольку вряд ли все перечисленные выше примеры концептов₂ можно (без натяжки) признать чисто художественными.

Важность признака "ценность" при определении понятия "концепт" подчеркивает В.И. Карасик [Карасик 1996: 4–6]. Э. Бенвенист (и вслед за ним – Ю.С. Степанов) указывает на постоянство концепта в течение длительного исторического периода [Бенвенист 1995], ср. [Степанов 1997]. Н.Д. Арутюнова для "реконструкции концепта" предлагает учитывать, в частности, этимологию соответствующих слов, их синонимию, "круг сочетаемости", образные ассоциации, фразеологию [Арутюнова 1994: 3]. На сегодняшний день список собственно языковых показателей концептуального статуса того или иного понятия далек от завершения. Определенное место в этом списке должны, видимо, занять предложенные Н.Ф. Алефиренко признаки "отсутствия жестко детерминированной связи с реальной действительностью" и "неподчиненность законам логики". Действительно: в научной картине мира луна, во-первых,

одна, во-вторых, определяется как спутник планеты; в языковой (наивно-бытовой) картине мира это не "спутник", а светило, причем представленное двумя "ипостасями" (луна и месяц).

Еще одной спорной проблемой современной семантики является вопрос о соотношении концепта и слова: 1) концепт соотносится со словом в одном из его значений (Д.С. Лихачев); 2) концепт соотносится со словом во всем многообразии его значений и употреблений (мнение С.А. Аскольдова). Фиксируя расхождение мнений по данному вопросу (с. 63–64), автор монографии осторожно не присоединяется ни к одной из двух точек зрения.

Довольно распространенное понимание концепта как смыслового инварианта значений многозначного слова, в принципе, вполне сопоставимо с известной попыткой Р.О. Якобсона выявить инвариантные значения падежей в русском языке (см. [Jakobson 1936]). Такой подход находим, к примеру, в одной из работ о понятии "судьба", авторы которой считают, что "понимание судьбы как высшей силы, предопределяющей жизнь человека и человечества, и инвариантно (разрядка наша. – В.М.) лексикографическим интерпретациям слова *судьба*" [Чернейко, Долинский 1996: 21].

Думается, точка зрения Д.С. Лихачева более обоснована (и современна), поскольку такие характеристики концепта², как наличие синонимов, сочетаемость и соотносимость с понятием, характерны не для слова в целом, а для отдельного его лексико-семантического варианта.

Раздел "Лексическая семантика" (с. 91–154) посвящен анализу "устройства" лексического значения. В параграфе "Типы лексических значений слова" (с. 114–132) с разных точек зрения рассмотрена наиболее устоявшаяся в отечественной науке о языке система параметров, на основании которых возможно выделение таких типов. Один из выводов этой части исследования вызывает желание дополнить мысль автора об источниках номинативно-производных значений (с. 111): основой, на которой такие значения образуются, могут служить "первичные денотативные семы". Это суждение вполне справедливо для случаев типа *золото волос*: метафорическое значение слова *золото* ('желтизна и блеск') развивается здесь на основе действительно денотативных сем 'желтый' и 'блестящий', входящих в прямое значение указанного слова. Вместе с тем,

метафорическое значение может развиваться и на основе коннотаций, которые "лежат в основе многих привычных метафор и сравнений и подавляющего большинства авторских метафор и сравнений" [Апресян 1995а: 164]; ср. [Никитин 1979], напр., *осел* 'глупец' (<*осел* 'животное'); основой данной метафоры стала коннотация 'глупый', связанная с непроизводным значением слова, однако "первичной денотативной семой" не являющаяся.

С помощью понятия "денотативная сема" невозможно объяснить ни метонимический перенос, основой которого являются синтагматические ассоциации, ни "перенесение с вида на вид" (Аристотель) – например, с профессии на профессии: *техничка* (вм. "менее благородного" *уборщица*) <устар. *техничка* "техническая служащая" [Ушаков 1994: 703], шутил и инженер по укладке грузов вм. *грузчик* и эвф. *оператор очистных работ* вм. *ассенизатор* (пример Л.П. Крысна).

В параграфе "Специфика ономастической семантики" (с. 146–154) анализируются два известных (и взаимоисключающих) подхода к определению содержательной стороны имени собственного: 1) онимы обладают значением, но особым (В.А. Гречко, М.А. Косничяну, В.А. Никонов, О.И. Фоякова и др.); 2) онимы абсолютно асемантически (Н.Д. Арутюнова, О.С. Ахманова, В. Брендаль, Н.И. Толстой и др.). Автор вполне справедливо отмечает, что "теоретические изыскания в области семантики имени собственного... находятся на значительном удалении от существующих семантических теорий нарицательных имен" (с. 146). И действительно: на проблему можно было бы взглянуть, к примеру, с точки зрения теории номинации. Так, анализируя онимы, можно было бы, в частности, обратить внимание на такие (очень разные) употребления этих слов: 1) в официальной речи: *река Волга*, *озеро Ильмень*, *город Москва* (только в сочетании с номенклатурным термином); 2) в неофициальной речи: *Волга*, *Ильмень*, *Москва* (без номенклатурного термина). Во втором случае онимы представляют собой, во-первых, номинативные свертки, во-вторых (что характерно для случаев имплицитной номинации), неоднозначные наименования, что подтверждается возможностью следующих лексико-синтаксических трансформаций: неофициально *Волга* (в контекстах типа *стоять у Волги*) → официально *река Волга*, *автомобиль "Волга"*, *кафе "Волга"*, *кинотеатр "Волга"*, *ресторан "Волга"* и

проч. Если в первом случае трудно говорить о понятийном (сигнификативном) содержании имени собственного, то во втором случае наблюдаем сдвиг в сторону апеллятивной семантики и даже своего рода многозначность, приобретаемые за счет известного свойства онимов "расширять значения контекстуально-смысловымиращениями" и "приобретать значение, производное от контекста" (с. 149).

Наиболее близким "контекстом" онима является номенклатурный термин, или детерминатив, влияние которого на содержательную сторону онима (особенно в случаях имплицитной номинации) никак нельзя не учитывать.

Третий раздел "Грамматическая семантика" (с. 155–190) посвящен различным подходам к анализу грамматического значения, вопросу о взаимодействии грамматической и лексической семантики, а также проблеме словообразовательного значения. Здесь видимо, стоило бы задуматься о применении термина "уровень" к грамматике. Ведь если действительно существует "грамматический уровень" (с. 155), то каковы его единицы? Если носителем грамматического значения выступает "аффиксальная морфема" (с. 156), то имеет смысл говорить о морфемном уровне (в соответствии с уровневой моделью В.М. Солнцева), а если признать, что в выражении грамматического значения может принимать участие и лексика (или, как в языках изолирующего типа, в основном лексика), то окажется, что "грамматическая" семантика лишена жесткой уровневой соотнесенности и, соответственно, может иметь межуровневый характер.

В четвертом разделе "Синтаксическая семантика" (с. 190–245) самым подробным образом трактуются категории семантического синтаксиса, семантика сложного предложения, а также подходы к рассмотрению предикативности и модальности.

Завершающий раздел "Семантика текста" (с. 246–267) посвящен содержательной стороне сверхфразового единства и текста.

"Сквозной" темой монографии является рассмотрение значений единиц языка в логико-семиотическом аспекте; соответствующая информация распределена по разделам книги следующим образом: общие проблемы теории знака (с. 28–38), устройство и специфика лексического знака (с. 92–100), семиотический аспект грамматической семантики (с. 160–164), знаковое устройство предложения (с. 191–204); на с. 254–256 трактуется возможность применения теории знака к тексту.

Автор справедливо полагает, что раскрыть природу и сущность языкового значения невозможно, не объяснив «взаимосвязь трех основных "участников" его формирования: объекта обозначения, его отражения в сознании человека в форме понятия или представления и знака» (с. 35). При этом, видимо, следует согласиться с тем, что соответствующие термины (референт, денотат, сигнификат; референция, денотация, сигнификация) нередко употребляются «весьма неоднозначно и фрагментарно, отчего их использование в отдельных работах по семантике носит почти "ритуальный" характер» (с. 28–29). Не менее жесткой (но, думается, верной) выглядит оценка знаменитого "семантического треугольника": "Несмотря на огромную популярность этой модели, объяснить по ней непротиворечно сущность языкового значения весьма сложно" (с. 35). Очень показательным в этом плане (и даже настораживающим) представляется тот факт, что наработки последних трех десятилетий, связанные с логико-семиотическим аспектом в изучении языковых единиц (слова и предложения), практически не отражены современной учебной литературой, то есть отторгаются прикладной лингвистикой (вероятно, со свойственными этой отрасли языковедения здравым смыслом и здоровым консерватизмом).

Если понимать референцию узко – как "соотнесенность с действительностью" (И.Б. Шатуновский), и признать, что: 1) "референцию имеют только слова и именные группы, обозначающие предметы" [Шатуновский 1996: 53]; 2) существуют семантически пустые языковые знаки (например, онимы – в одной из своих трактовок); 3) апеллятивы предметной семантики допускают два типа использования: референтное (в актантной позиции) и нереферентное – в позиции предиката (ср. [Арутюнова 1976: 26]), то есть "имеют способность выражать как термы, так и предикаты" [Резвин 1978: 182], – то возникает подозрение, что мы отчасти гипостазуем известный треугольник, тем самым превращая идею конца XIX (Г. Фреге) – середины XX (Ч. Огден – А. Ричардс) века в некое подобие прокрустова ложа. Видимо, посредством одной модели представить все многообразие семиотических типов языковых знаков (лексических, синтаксических) невозможно.

В одной, относительно небольшой по объему, монографии сложно рассмотреть все спорные вопросы семантики. К числу

последних можно было бы отнести, в частности, очень непростую проблему определения понятий "синонимия" и "синоним": их определение ряду ученых "при нынешнем состоянии семантики представляется...невозможным" [Апресян 1995б: 60]. Указанная проблема самым непосредственным образом связана с не менее спорным вопросом о методике построения семантических классов лексики: должна ли такая методика – например, применительно к глагольным классам – включать (Ю.Д. Апресян, М.Л. Крюčkова, Ю.В. Фоменко и др.) или отрицать (напр., группа "Русский глагол") дистрибутивный анализ (при построении родо-видовых объединений лексики)? субституцию (при выявлении синонимов – если признать критерий взаимозаменимости релевантным для их определения)? Подобные вопросы представляют собой открытый ряд; каждый из них требует специального рассмотрения.

Рубрикация книги представляется в целом очень логичной; вместе с тем, если "лингвистика может быть естественно подразделена на три части, которые могут быть названы лексическая семантика, грамматическая семантика и иллокутивная семантика" [Wierzbicka 1988: 1], то один из разделов монографии можно было бы посвятить проблемам иллокутивной семантики. Впрочем, эта тема вполне достойна отдельного монографического представления.

Оценивая книгу в целом, отметим, что она заслуживает внимания не только как любопытный свод (своего рода коллекция) наиболее запутанных проблем современной семантики, но и как небезуспешная попытка представить свой взгляд на решение таких проблем, в одних случаях, давая развернутое предложение по поводу возможного выхода из того или иного семантического "тупика", в других – контурно обозначая свое видение решения проблемы; в-третьих – предлагая меткие и точные (порой идущие вразрез с традицией) формулировки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян Ю.Д. 1995а – Избранные труды. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
- Апресян Ю.Д. 1995б – Новый объяснительный словарь синонимов: концепция и типы информации // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Проспект / Авт. Ю.Д. Апресян, О.Ю. Богуславская, И.Б. Левонтина, Е.В. Урысон. М., 1995.
- Арутюнова Н.Д. 1976 – Референция имени и структура предложения // ВЯ. 1976. № 2.
- Арутюнова Н.Д. 1994 – От редактора // Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994.
- Бенвенист Э. 1995 – Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995.
- Горбачевич К.С., Хабло Е.П. 1979 – Словарь эпитетов русского литературного языка. Л., 1979.
- Карасик В.И. 1996 – Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград; Архангельск, 1996.
- Никитин М.В. 1979 – О семантике метафоры // ВЯ. 1979. № 1.
- Ревзин И.И. 1978 – Структура языка как моделирующей системы. М., 1978.
- Степанов Ю.С. 1997 – Константы: Словарь русской культуры. М., 1997.
- Ушаков Д.Н. 1994 – Толковый словарь русского языка: В 4 томах / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 4. М., 1994.
- Чернейко Л.О., Долинский В.А. 1996 – Имя судьба как объект концептуального и ассоциативного анализа // Вестник Моск. гос. ун-та. Серия 9: Филология. 1996. № 6.
- Шатуновский И.Б. 1996 – Семантика предложения и нерелевантные слова. М., 1996.
- Jakobson R. 1936 – Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre: Gesamtbedeutungen der russischen Kasus // TCLP. 1936. V. 6.
- Palmer F. 1990 – The semantics of grammar (Review article on Wierzbicka, 1988) // Journal of linguistics. 1991. V. 26.
- Wierzbicka A. 1988 – The semantics of grammar. Amsterdam; Philadelphia, 1988.
- Wierzbicka A. 1991 – The semantics of grammar: a reply to professor Palmer // Journal of linguistics. 1991. V. 27.

В.П. Москвин